

УДК 821.0

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

А.Д. Тараканова

Предметом рассмотрения данной статьи является просветительская утопия в русской литературе второй половины XVIII в. На основе анализа утопий А.П. Сумарокова, А.Н. Радищева, М.М. Щербатова выявляется своеобразие авторской позиции в каждом из произведений и делается вывод о том, что утопическая литература XVIII в. развивалась в контексте просветительского мировоззрения, художественно отражая главные идеи эпохи.

Ключевые слова: литературная утопия, А.П. Сумароков, А.Н. Радищев, М.М. Щербатов, утопический идеал, Просвещение.

В русской литературе существует довольно прочная традиция жанра утопии. Первоисточниками жанра были древнерусские фольклорные сказания, легенды и «хождения». В XVIII в. появляются переводные утопии: дворянский читатель России XVIII в. хорошо был знаком с Платоном, Ксенофонтом, «Утопией» Т. Мора и сочинениями его последователей [1, с. 124]. Возникнув на национальной основе и в дальнейшем развиваясь под влиянием более зрелой европейской традиции, русская литературная утопия с XVIII в. оформляется как самостоятельный жанр. С этого времени она активно развивается, отвечая потребностям отечественной общественной мысли.

Жанр утопии долгое время не изучался с литературоведческой позиции. Научный интерес к утопиям четко обозначился в последние десятилетия, однако специальных исследований литературной утопии на начальном этапе ее формирования (XVIII в.) в настоящий момент не существует. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью русской утопии XVIII в., и в частности отсутствием целостного взгляда на утопическое творчество обозначенного периода.

Задачей данной статьи является анализ концептуальных аспектов утопий «Сон. Счастливое общество», «Хор ко превратному свету» А.П. Сумарокова, «Путешествия в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» М.М. Щербатова, утопических глав «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Выбор данных произведений обоснован тем, что все они соответствуют определению утопии как литературного жанра; являясь наиболее яркими образцами утопий второй половины XVIII в., они воплощают духовные и эстетические искания своего времени.

«Утопические идеалы в литературе Просвещения можно найти в сатирах Кантемира, поэзии Державина, Тредиаковского, Сумарокова, прозе Карамзина

и Хераскова, архитектурных проектах, планах государственного переустройства Панина и самой Екатерины, государственных актах, программах тайных политических и религиозных обществ, садово-парковых пространствах, описании путешествий» [2, с. 177]. Действительно, несмотря на тенденцию к рациональности, «век Просвещения не отказывал себе в утопическом воображении» [3, с. 157].

Т.В. Артемьева указывает на то, что социально-политическая утопия эпохи Просвещения имела ряд характерных черт [2, с. 9]. Таковы:

- 1) идея «просвещенного монарха», который силой данной ему власти способен провести необходимые реформы;
- 2) представление о софиократии или фило-софиократии как политической системе, где власть принадлежит мудрецам или философам;
- 3) идея совершенных законов;
- 4) представление об идеальном, «естественном» человеке, черты которого пытались увидеть в «простом народе»;
- 5) убежденность в том, что духовное просвещение способно изменить нравственное состояние общества.

Е.Л. Черткова также отмечает, что специфической чертой русских утопий всегда было преобладание в ней нравственного начала над рациональным. Концентрация духовных интересов на моральных темах сближала первых русских утопистов с масонством [4, с. 180, 181].

Комплекс этих идей отразился в русских утопиях XVIII в. Творческое наследие А.П. Сумарокова включает в себя образцы стихотворной и прозаической утопии. В утопии «Сон. Счастливое общество» (1759) Сумароков предлагает свой взгляд на проблему счастья, центральный вопрос всей утопической мысли. Как указывает В.М. Живов, «в эпоху Просвещения складывается особая мифология государства, частью которой были утопии как выражение социально-этической программы преобразования человека и общества. Мифопоэтическим эквивалентом утопии были Аркадия, Золотой век и т. п. топосы. Они выступали как образец ненарушенной гармонии, в этом мире человеческое (социальное) было приведено в согласие с природой, космосом» [5, с. 666].

А.П. Сумароков пытается смоделировать совершенное государство, свой вариант земной Аркадии, отталкиваясь от реальных недостатков современной ему общественной жизни. Счастье в утопии «Сон...» – это воплощение «государственной идиллии»: по Сумарокову, гармоничное состояние общества делает человека счастливым. Регламентированность является характерным топосом утопической мысли. Но своеобразие сумароковской утопии заключается в том, что в ней большое значение придается духовности как основе идеального общества. Как известно, А.П. Сумароков разделял масонские взгляды, популярные среди интеллектуальной элиты России второй половины XVIII в. Проблемы морали, внутреннего совершенствования занимали существенное место в идеологии масонства, которое «в России повлияло на всю ее рождающуюся новую культуру, и прежде всего на художественную литературу» [6, с. 150]. Именно в масонских философских и литературных сочинениях прозвучала принципиальная, обоснованная критика многих идей и ценностей XVIII в. Утопические составляющие «благочестия» (скромность и умеренность, отсутствие

пороков, человеколюбие) в понимании Сумарокова отражают как традиционные религиозные взгляды на природу человека, так и ценностную систему масонства.

С религиозных позиций писатель осмысливает законы утопического общества, приравнивая гражданский закон к божественному. «Сия книга начинается тако: чего себе не хочешь, того и другому не желай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь» [7, с. 240]. В этих постулатах обнаруживается генетическая связь с библейскими заповедями. Общность государственных законов «счастливого общества» и религиозных текстов объяснима тем, что в основу обоих положен нравственный императив. Христианская аксиология становится источником законов в утопии. По мнению автора утопии, нравственный закон может заменить государственный (в его традиционном понимании) и способен регулировать жизнь общества. Таким образом, идеи добродетели, духовности являются исходной точкой для построения Сумароковым модели совершенного общества. Идеальное государство непосредственно основано на нравственных качествах каждого отдельного гражданина, и в особенности правителя страны. Государь в «мечтательной стране» Сумарокова обладает набором всех возможных моральных достоинств: «подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо... Слабости прощает милосердно» [7, с. 239]. Оценкой справедливого правления государя в утопии является народная любовь. «Счастливая» жизнь народа в утопии оказывается возможной благодаря деятельности государя, «великого человека».

Идеал общественных отношений, по Сумарокову, это взаимное уважение, «братолюбие». Гармоничное общественное устройство заключается в том, что закон «чего себе не хочешь, того другим не желай» исключает любые конфликты, утверждая миролюбие и доброжелательность в качестве универсальных принципов человеческих отношений.

В утопии А.П. Сумарокова нравственно-эстетические идеи дополняются социально-практическими. Например, писатель высказывает мысль о необходимости изменения структуры государственного управления. В «мечтательной стране» важнейшие общественные функции возложены на Государственный Совет, орган светского правления. Его подобия в России XVIII в. не было, а роль Сената в то время была минимальной. О деятельности Совета сообщается следующее: «В него никаких частных дел не вносится. Там распорядки, исправления, узаконения и прочие государственные основания или по велению монарха, или по предложению оному...» [7, с. 240]. Идея создания подобного государственного аппарата, высказанная в утопии, являлась новаторской для своего времени, реальные попытки создания подобного учреждения были предприняты Н.И. Паниным в начале 1760-х годов, затем в начале XIX в.

Помимо этого Сумароков возрождает в утопии некоторые реформы Петра I, которые во второй половине XVIII в. уже не определяли государственной политики. По разработанной в 1722 г. Табели о рангах все чиновные категории (военные, гражданские и придворные) делились на 14 рангов. Получив 14-й ранг, можно было в зависимости от личных качеств и удачливости продвигаться по чиновной лестнице, вплоть до первого ранга, фельдмаршала или канцлера, что способствовало продвижению достойнейших. А.П. Сумароков полагает,

что личные достоинства и заслуги перед государством, а не происхождение должны быть основанием для получения должности: «Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются» [7, с. 241]. Подобная система получения чинов способствует в итоге процветанию государства, так как, во-первых, к управлению государством приходят достойнейшие, а во-вторых, подчиненные готовы беспрекословно исполнять их приказы: «начальники производятся по достоинству, и оттого подчиненные исполняют их повеления с великим усердием» [7, с. 239].

В духе литературы своего времени, взявшей на себя функции воспитания монарха и народа, Сумароков создает утопическую концепцию государственного устройства, которая строится на рационализме, установке на «полезность», идеале просвещенной монархии, культе государства. Но основанием всеобщего благополучия, по мысли автора, является нравственность, духовный стержень общества.

Эти идеи вновь получают воплощение в более поздней утопии А.П. Сумарокова «Хор ко превратному свету» (1763). Произведение было написано для маскарада «Торжествующая Минерва». План театрального шествия по улицам принадлежал Ф.Г. Волкову, тексты хоров, исполнявшихся участниками театрализации, были написаны Сумароковым. В этом политически важном маскараде «Сумарокову было поручено изображение «превратного света» – антипода «золотого века». В первом разделе маскарада заключались, по-видимому, сатирические намеки на Петра III. Затем осмеивались пороки: пьянство, прожектерство, бюрократизм. К этому разделу шествия Сумароковым написан хор народным складом, заключавший элементы политической программы автора» [8, с. 128].

«Сатирическое» и «идеальное» у Сумарокова выступает в едином комплексе. Отталкиваясь от сущего, которое сатирически осмеивается, автор формулирует положительный идеал. Эта особенность утопического жанра была отмечена Ю.В. Стенником. Утопия «по своей художественной природе неразрывно связана с сатирой... ибо в ней фиксируется тот идеальный полюс мировосприятия, который противостоит обману и насилию, обличаемому в сатире» [9, с. 204]. Проблематика утопии соотносима с сатирическим творчеством А.П. Сумарокова (проблема идеального дворянина, гуманного отношения к крестьянам, взяточничества и т. д.).

Отрицая пороки и порядки реального мира, автор утверждает свой идеал совершенного государства. Для Сумарокова это прежде всего просвещенное государство, где осуществлено верховенство закона, граждане грамотны, порядочны и трудолюбивы, а отношения между людьми основаны на принципах гуманности и взаимного уважения. Определение «превратный» в значении «ложный, искажающий истину» [10, с. 469], таким образом, становится применимо к образу России, который выступает антиподом утопического мира. В связи этим один из возможных путей анализа «Хора...» – рассмотрение его как антиутопии, изображающей нежелательные явления. В целом же утопическое творчество А.П. Сумарокова было направлено на выработку позитивного идеала России XVIII в.

Размышления М.М. Щербатова о судьбах России вылились в форму утопического романа «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворяни-

на», написанного в середине 80-х годов XVIII в. Географические названия Офира – это анаграммы российских городов, рек и губерний: Перегаб – Петербург, Квамо – Москва, Тервек – Тверь и т. д. В утопическом Офире индивидуальное, личное подчинено государственному. Щербатов полагает, что, регламентировав все стороны жизни, можно превратить страну в гармоничное и процветающее общество. Просветительское стремление видеть все непротиворечивым, систематизированным переносится им на общество, которое разделено в утопии на жестко разграниченные сословия. В свою очередь, жизнь каждого сословия регламентирована до мелочей.

За соблюдением предписанных правил следит полиция. Следует отметить, что в XVIII в. под понятием «полиция» понимались средства, осуществляющие внутреннюю государственную политику. В широком смысле «полиция» была учением об оптимальном устройстве жизни в государстве. Таким образом, полиция противостоит политике как внутреннее – внешнему и потому близка экономике, праву и морали [2, с. 286]. Полиция в Офире занимается попечением о здоровье жителей, их безопасности, освещении и чистоте улиц и пр. Кроме того, полицейские начальники следят и за общественной нравственностью.

В рамках утопии писатель высказывает мысль о необходимости специальных военных поселений для укрепления государственной власти и порядка в обществе. Часть губерний в утопической стране имеют военный статус, их быт приближен к казарменному. Население подобных губерний занимается не только хозяйственной деятельностью, но и военным ремеслом для защиты границ государства. Идея военных поселений, появившаяся в рамках утопии, оказалась не столь далекой от реального воплощения, и история России XIX в., связанная с деятельностью А.А. Аракчеева, подтверждает это. Несмотря на то что военное нововведение довольно скоро потерпело крушение, Щербатов в XVIII в. искренне верил в то, что военные поселения могут принести реальную пользу России.

Кроме того, писатель считал взаимовыгодным союз государства и религиозных институтов. Основным законом идеального государства является «Катехизм нравственный Офирской империи», включающий в себя следующие разделы: «Должности человека, относительные к высшему Естеству и самому себе» и «Должности человека относительно к обществу». Офирские законы носят по преимуществу характер моральных императивов. Правильное нравственное и религиозное воспитание сплачивает общество, способствует формированию не только личных, но и гражданских добродетелей. Офирец чтит, во-первых, добродетель, а потом – закон, а после – царя и вельмож. Государь в утопии, как и все граждане, соблюдает закон и обладает нравственными качествами (милосердие, добродетель). Высшей оценкой его деятельности является, как и в утопии А.П. Сумарокова, «народная любовь». Однако ее запрещается выражать, чтобы оградить государя от гордыни и тщеславия: «Показуемые знаки радости и усердия от народа могли бы некоим Государям вложить мысли гордости и предубеждения, что они весьма любимы народом, что может вредные следствия произвести» [11, с. 68].

В целом сочетание тотального контроля над личностью, верховенство закона и апелляция к нравственным ценностям составляют сущность утопического Офира.

В русской литературе утопия не всегда выростала в отдельное самостоятельное сочинение и могла являться составной частью произведения. Таковы, например, утопические фрагменты «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева. Непосредственно «перспективам должного» посвящены главы «Спасская Полесь», «Хотилово», «Выдропуск», хотя элементы социальной утопии содержатся практически во всех главах. В качестве примера рассмотрим главу «Хотилово. Проект в будущем». Она представляет собой размышление писателя о социально-политическом устройстве России. Обращаясь к жанру утопии, Радищев пытается решить проблемы, которые стояли перед русским обществом конца XVIII в., но в то время не могли быть решены. «Говорящее» название главы и подзаголовок «проект в будущем» подчеркивают, что изображаемая картина является образом желаемого будущего.

Проблематика главы, связанная с отменой крепостного права, обуславливает идейное содержание утопии. В утопической главе затронута одна из наиболее полемичных и злободневных проблем XVIII в. Самое радикальное преобразование, которое намечала Екатерина II, взойдя на престол, предполагало отмену крепостного права. Проект такой реформы содержался в подготовительных записках к «Наказу», в котором провозглашалось равенство всех граждан перед законом, веротерпимость и вольность. Однако в окончательной редакции «Наказа» вопрос об отмене крепостного права остался открытым. А.Н. Радищев констатирует этот факт в главе «Хотилово»: «Мудрые правители... истинным подвижниками человеколюбием... старались положить предел стоголовому сему злу», но «державные подвиги их утщетились» [12, с. 125]. В предложенном А.Н. Радищевым «проекте» идеального будущего проблема крепостничества решена.

Текстуальным синонимом «идеального» является в утопии понятие «блаженство», которое в утопической традиции связано с представлениями о рае, счастливых местах изобилия и довольства. Блаженство утопического общества имеет два смысловых уровня: «внешнее, преходящее» блаженство и «истинное». Внешнее (или гражданское) блаженство подразумевает следующее: «Блаженно государство, говорят, если в нем царствуют тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градах гордые воздымаются здания. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями других» [12, с. 125]. Среди составляющих гражданского блаженства выделим «тишину» и «мир». Эти понятия связаны между собой и подразумевают то, что государству необходимы мир и отсутствие войн.

Однако для «истинного» блаженства необходимо другое. Автор «проекта» призывает оценивать государство, исходя из мыслей и чувств граждан: если в них есть спокойствие и мир, то государство можно считать идеальным («Итак да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством... Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны» [12, с. 125]). По мнению Радищева, мир

в душе человека становится возможен только тогда, когда он свободен и все в обществе имеют равные права. Писатель обосновывает необходимость отмены крепостничества идеей «естественного права»: поскольку люди променяли свободу на мирное существование, то и в ограничении природной воли также должны быть равны.

Регулятором общественных отношений в утопии А.Н. Радищева является закон. Изначально автор формирует представление о законе не как о государственном установлении, а как о нравственных, «неписаных» нормах. Среди важнейших «гражданских» качеств в утопии названы следующие: кротость, миролюбие, человечность. В целом в утопической главе «Хотилово. Проект в будущем» «блаженным» названо государство без крепостной зависимости. Авторский идеал – это общество свободных высоконравственных людей.

Рассмотренные в статье утопии объединяет социальная проблематика и вопросы оптимального общественного устройства. Писатели обращаются в произведениях к проблемам морали, законодательства, идеального общественного устройства, что обусловлено мировоззрением писателей, а также историко-культурными факторами (появлением различных идей государственности, распространением идей масонства в России), но в первую очередь – просветительской идеологией. Характерные для Просвещения идеи (совершенные законы, образованный и мудрый монарх, «духовное, нравственное просвещение» и т. п.) стали основой не только для самых распространенных жанров (ода, сатира), но и для утопии, которая в качестве литературного жанра в России еще только формировалась в XVIII в.

Утопические проекты этого времени были оригинальны и существенно отличались друг от друга. Так, А.П. Сумароков полагается главным образом на духовность, внутренние качества человека. М.М. Щербатов также признает важным компонентом идеального государства нравственность граждан, однако считает, что только строгие законы могут контролировать личность. В целом Сумароков и Щербатов в рассмотренных утопиях указывают на особое место дворянства в обществе, именно оно представляет образец для других сословий. В утопии А.Н. Радищева «блаженное» общество строится на противоположном утверждении: «идеальной» Россия станет только при всеобщем политическом равенстве и свободе. Особо стоит отметить то, что изображение авторами «идеального» было напрямую связано с социально-практическими идеями. Предложенные в утопиях государственные нововведения (Государственный Совет, военные поселения) позднее оказались востребованными в России. Таким образом, утопическая литература второй половины XVIII в. отвечала конкретным потребностям общества и воплощала в художественной форме идейные позиции авторов и важнейшие мировоззренческие установки эпохи, предлагая различные способы усовершенствования действительности.

Summary

A.D. Tarakanova. Russian Literary Utopia of the Second Half of 18th Century.

The article views enlightened utopia in the Russian literature of the second half of 18th century. Analysis of utopias by A.P. Sumarokov, A.N. Radishchev, M.M. Sherbatov allows

concluding that 18th-century utopia developed in a context of 18th-century enlightenment outlook, artistically reflecting the main ideas of the epoch.

Key words: literary utopia, A.P. Sumarokov, A.N. Radishchev, M.M. Sherbatov, utopian ideal, Enlightenment.

Литература

1. *Чернышёва Т.А.* Русская утопия // Сибирь. – Иркутск, 1990. – № 6. – С. 118–127.
2. *Артёмьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – 496 с.
3. *Фуэнтес Ф.* Утопия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Феррара, Д. Роша. – М.: Памятники ист. мысли, 2003. – 668 с.
4. *Черткова Е.Л.* Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 156–189.
5. *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII в. // Из истории русской культуры. Т. IV. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 657–685.
6. *Сахаров В.И.* Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопр. литературы. – 2000. – № 6. – С. 149–164.
7. *Сумароков А.П.* «Сон. Счастливое общество» // Русская литература XVIII века. 1700–1775: Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1979. – С. 239–242.
8. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 453 с.
9. *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII века. – Л.: Наука, 1985. – 363 с.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Рус. язык, 1988. – 750 с.
11. *Щербатов М.М.* Путешествие в землю Офирскую // Русская литературная утопия. – М.: Наука, 1986. – С. 37–80.
12. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949. – С. 121–131.

Поступила в редакцию
26.02.08

Тараканова Анна Дмитриевна – ассистент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета.

E-mail: tarakanova_ad@mail.ru